

Народный артист СССР, орденосеца И. М. Москвин на трибуне.

Жизнь художника и гражданина *)

Народный артист СССР, орденосеца И. М. Москвин

Сейчас передо мною мои избиратели и товарищи, агитирующие за меня. Хотелось бы познакомиться вкратчину и покрепче.

Я не знаю, стоит ли о себе много говорить. Разве рассказать только о нескольких отдельных черточках. Рос я у бедных родителей и приходилось многое претерпевать в самые ранние годы. К тому времени и относятся мои первые горячие обиды.

Помню, например, что мать шила нам все на раст. Когда мне было лет 7, мне шили, помню, пальто лет на 11, так что я поистине чулком ходил. Рукава длинные, так что рук из-под них не было видно. Все смеются, что я руки выпростать не могу.

В наши дни у родителей радость, когда ребенок исполняется 8 лет. Отец и мать говорят—давай учить его. Сейчас это легко потому, что в нашей стране потрудись только родиться, — родился и больше ни о чем не беспокойся (Аплодисменты). Мать получает приданое на ребенка, к вашим услугам ясли, потом детский сад, потом школа, хочешь семилетка, хочешь десятилетка, хочешь потом в вуз идти, да еще там дают на питание. Все бесплатно.

А когда у моих родителей шел разговор насчет учебы, возникала целая проблема, как двоих детей учить. У меня брат Тарханов, который сейчас народный артист

Союза ССР, — на 3 с половиной года моложе меня.

За учение обоих нужно было платить от 200 до 300 рублей в год. Денег нет. Стали рассуждать отец и мать, кому дать среднее образование, и решили дать тому, кто пойдет служить в солдаты, так как среднее образование давало право вместо трех лет служить один год. Младший шел служить, ну, его и отдали в реальное училище, а меня отдали в городское, где за учение платили 10 рублей. Таким образом я получил низшее образование.

Поступил я в городское училище, учился с прохладцей. Учителя не прихотили к учебе. Когда я проучился 6 лет, отец стал болеть. Купец Калашников наполовину убавил ему жалование и потребовал, чтобы я служил мальчиком у него в магазине.

Горькая это была служба. Кормился я плохо. Крестный, воспитывавший меня, давал на целый день 10 копеек. Вставал я в 6 часов утра, читал жития святых, каждый день про одного святого должен был прочесть. Читать должен был честно, потому что каждый день меня спрашивали, чем замечателен такой-то святой, и я должен был знать.

Позднее мой зять устроил меня на чугунолитейный завод. Там тоже была тяжелая работа. К этому времени я участвовал уже в домашних спектаклях и пристрастился к театру. Окружающие говорили, что Ваня, мод, способный. Дей-

ствительно, меня чрезвычайно хорошо публика принимала как в смешных ролях, так и в драматических.

Тут мне запала мысль идти на театральные курсы. Но пока отец был жив, об этом и речи не могло быть. Когда отец умер, в семье решили, что если суровый крестный согласится платить за меня, я пойду учиться. Но платить нужно было много. И я решил попытаться сначала попасть в императорскую школу, которая была тогда при Малом театре. Там судьи были серьезные: Садовский был и другие большие, замечательные актеры.

Это теперь-то я перед вами такой солидный, да еще и при орденах. А тогда я был скромный такой, одет невнятно.

Вздумал я читать какое-то героическое произведение, — это при моей-то внешности, — и с треском провалился.

Тогда я пошел в частную школу. Туда не принимали только хромых, слепых да глухих. Курсам нужны были деньги.

На первый курс нас приняли человек 80. Есть у тебя две ноги, две руки, нос, рот, два глаза — можешь идти заниматься, может быть, выйдет из тебя актер.

Бедность мне помогла. При бедности шире раскрываются глаза, они видят больше. Я встречался с рабочими, с трудящимися людьми. Вот почему, когда мне приходилось исполнять роли этих людей, я не испытывал трудностей.

Служил я в театре Корш. В 1898 г. я поступил в Художественный театр.

Сейчас я стою перед киноработниками. Вы знаете меня уже по ряду картин, где я снимался, и вообще моя художественная жизнь прошла перед вашими глазами. Так что об этом я распространяться не буду.

Что же мне сказать о своем гражданском лице? Это самое примечательное в моей жизни, откровенно вам скажу. Прежде я был самым обыкновенным непартийным обывателем. И вот теперь я добился

того, что стал настоящим беспартийным большевиком. И это уже навсегда. (Горячие аплодисменты).

Но нужно сказать, что это произошло не сразу. Когда началась революция, пришли большевики, началась ломка старых устоев, я не был лишен кое-каких предрассудков, не хотелось расставаться с каким-то кажущимся благополучием.

И вот началась моя перестройка. Начал я встречаться с партийцами в театрах, на концертах. К моему родному театру они относились очень серьезно, очень глубоко. Потом приехал как-то в театр Владимир Ильич, примерно, в 1920 году. Спектакль ему очень понравился. Он потребовал списки театров и поставил наш театр на первое место. Очень многому меня научила наша прекрасная жизнь. Приглядываясь, думаю — достижения громадные, шахтер Алексей Стаханов работу простого горняка возвел в степень доблести и героизма... (Аплодисменты). Тут нельзя оставаться равнодушным.

Видишь, как люди меняются, и задаешься вопросом: кто же это такие замечательные мастера, для которых нет ничего невозможного? Это — 170-миллионный народ Союза, руководимый товарищем Сталиным. (Аплодисменты). Моя перестройка закончилась в дни появления на свет великой Сталинской Конституции. Я имел честь быть выбранным в Редакционную комиссию VIII Чрезвычайного Съезда Советов, где встречался с лучшими людьми страны, лично видел товарища Сталина.

Смотришь на него и думаешь: какое счастье для нас, что мы живем в одном веке с этим великим человеком. Имя его останется в веках. А мы с вами будем гордиться тем и радоваться тому, что и мы являемся участниками возглавляемой им огромной всемирно-исторической работы. (Продолжительные бурные аплодисменты).

*) Сокращенная стенограмма выступления тов. И. М. Москвина на общесоюзном предвыборном собрании киноработников.